

ВИКТОР САВИЧ

Филологический факультет Белградского университета, Сербия
Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств, Белград,
Сербия

ДОКУМЕНТ ОБ ОДНОЙ ПРОДАЖЕ В ГОРОДЕ ПОЖАРЕВАЦ (1731)

1. Открытие документа

В сентябре 2022 года, просматривая в архивах САНИ богатое наследие профессора Александра Белича (1876–1960), долго управлявшего президентом САНИ и ведущего сербского лингвиста первой половины XX в., мы наткнулись на неизвестный до сих пор документ, написанный на первой странице двойного листа бумаги (с водяным знаком) размера 33,1×20,1 см, имеющий архивный № АБ-VI-1461¹. Это заверенное заявление о продаже лавки в городе Пожаревац 6 августа 1731 г. На оборотной стороне документа иной рукой примерно того же времени, но другими чернилами, в верхней части листа, сложенного в четверть, была сделана архивная помета, согласно которой документ был классифицирован как тапниа, ‘купчая на лавку’. Слово тапниа является турцизмом (< *tapni*, Škaljić 1966: 600, s. v. *tárijá*) и, возможно, первым сохранившимся свидетельством в сербском языке именно в этом документе². Под купчей на лавку подразумевается ‘заверенный документ о праве собственности на недвижимость’. Эти документы составлялись до тех пор, пока не ожили и не стабилизировались земельные книги, т. е. постоянные

---

¹ Проф. Белич, который особенно интересовался историей языка и диалектологией, не рассматривал этот документ. Его библиографию см. (Грицкат 1959–1960).

² В материалах для словаря иностранных слов в период до 1818 года, где собран корпус с 1660 по 1816 год, мы не находим этого слова (см. Михајловић II); свидетельства из RJAZU – младшего времени (RJAZU XVIII: 105, s. v. 1. *tapija*).

кадастровые регистры, в которых постоянно и точно фиксировались объекты недвижимости и их владельцы (ср. Škaljić 1966: 600).

2. Значение памятника среди других сербских документов

Данный документ был составлен в городе Пожаревац во время недолгого существования «Королевства Сербия» в рамках Габсбургской монархии, между так называемыми Пожаревацким и Белградским миром (1718–1739)³. В этот короткий исторический период создаются очертания современной истории Сербии⁴, но перед нами документ, который почти во всем принадлежит более старому, можно сказать даже древнему, прошлому.

Прежде всего, именно в этот период под давлением католического прозелитизма архиепископ и митрополит Королевства Сербия (Сервийской епархии) Моисей (Петрович) дважды обращался к российскому царю Петру Великому с просьбой прислать сербам учителей и книги (1718, 1721). По царскому указу (1724 г.), но после смерти царя, сербам, в тогда фактически объединенную белградско-карловацкую митрополию, пришел Максим Терентьевич Суворов (в конце мая 1726 г.), основавший Славянскую школу, сначала (ненадолго) в Сремских Карловцах и в Белграде – принося русско-славянскую и русскую письменность (Веселиновић 2000: 132–133). Однако в документе о продаже из города Пожареваца нет никаких следов этого серьезного изменения в сербской письменности, а старая традиция сохранилась во всех отношениях.

После великих страданий Сербии в многочисленных войнах и восстаниях, особенно в начале 19-го в. и после уничтожения Национальной библиотеки в Белграде под немецкими бомбами в 1941 году, любой старый документ с территории так называемой центральной Сербии, в том числе и этот, является большой редкостью (для старой сербской письменности ситуация несравненно лучше, например, в областях, находящихся под властью Габсбургов по ту сторону Савы и Дуная). Однако, хотя сербские государственные, церковные и

³ Об историческом контексте см. (Веселиновић 2000: 106–111, 146–160).

⁴ В конце концов, с этого времени, судя по всему, в сербском языке начинает устанавливаться название *Србија* вместо субстантивизированного прилагательного *Српска*, то есть более раннего словосочетания *Српска земља* (о его развитии см. Савић 2019: 111).

частные архивы средневековья в основном пострадали в турецкие времена (вплоть до 19-го в.)⁵, а новые почти не создавались, все-таки кое-что из того, что было написано на народном языке канцелярским письмом, сохранилось на периферии, как то, что было напечатано в рамках католической пропаганды, но также и в виде рукописных документов в узком приморском поясе, в Черногории или на Афонской Горе (в основном в виде записей в церковнославянских книгах). В качестве близкой аналогии с нашим документом служат, например, сербские путевые заметки конца 17-го – начала 18-го века, проповеди Гаврила Стефановича Венцловича для сербов в Венгрии в первой половине 18-го века, и особенно старые списки младшей редакции Законника царя Стефана Душана первой четверти 18-го века, созданные на географически близкой территории.

3. Дипломатическая структура

Документ сохраняет дипломатическую структуру, сформировавшуюся в сербских средневековых документах, проанализированную Станоие Станоевичем в Студиях о сербской дипломатике (1912–1935).

Нет инвокации, но документ начинается с промультгации, содержащей формулу императивного предложения, которая не менялась со средних веков: да є на знанне на ^васакоме потребнтоме мѣстѣ, строка 1–2. Формула осталась старой, но со средневековой текстологической инновацией. Раньше в упрощенной форме было да кѣтъ въ свѣдѣннѣ вьсакомоу (в идеализированном написании), наряду с другими, сходно задуманными, но довольно разнообразными вариантами (Станоевич 1914: 232–262), так что свѣдѣннѣ (ст.-слав. свѣдѣннѣ) было заменено

---

⁵ Достаточно показательным примером является библиотека монастыря Студеница, который находится в географически довольно отдаленной местности, хотя сам играет центральную роль в духовной истории сербского народа. Неизвестно, как студеницкая сокровищница пережила смуту в конце 14-го в., но в 15-ом в. монастырь был сожжен, вероятно в 1437–1439 или 1454–1455 гг., затем в конце 16-го в. во время сожжения мощей св. Саввы Сербского турками – в 1594 г., вследствие чего обитель и ее ризница понесли заметный ущерб, а затем это повторилось в 1690, 1789–1790 и 1805–1806 гг. (Шако́та 2019: 34, 35–36, 43, 53–54, 77, 85–87, Н. Синдик 1988: 178, 180–182).

на штокавской территории более обычным знаниѣ⁶, потому что глагол несовершенного вида вѣдѣти уступил место глаголу несовершенного вида знати, а следовательно был вытеснен и глагол несовершенного вида свѣдѣти (ст.-слав. свѣдѣти), пересекающийся семантически с тем же глаголом. Но в штокавской, то есть сербской языковой зоне осталось также старое производное слово свѣдокъ (т. е. свѣдокъ) – серб. св(ј)едок (в отличие от ст.-слав. свѣдѣтель)⁷, но его нет в нашем тексте, а последовательно (2х), в других частях формуляра, употребляется глагол свѣдѣтельствовати (с. 14, 19–20; ст.-слав. свѣдѣтельствовати), которым обозначается роль свидетелей. Данный

⁶ Например, в свидетельствах в канцелярии Лазаревичей, княгини Милицы (в монашестве Евгении) и ее сыновей, Стефана и Вука, читаем примеры как с одним, так и с другим глаголом: да ꙗ въ свидѣннѣ всакоѣмъ князѣ и вѣдѣ властелю^u двѣровъщѣдѣ, Свидетельство Живулину Станишичу 1399 г., с. 2–3; да ꙗ въ свидѣннѣ всакоѣмъ члѣвкѣ, Свидетельство Марою Цинцуловичу 1402 г. год, с. 2; да ви ꙗ въ знаньѣ, Свидетельство Вукше Мишетичу 1405 г., с. 2; все свидетельства сохранились в рукописи Руско Христифоровича (полные тексты см. Младеновић 2007: I/14 – 31 (илл. с. 101), I/19 – 35 (илл. с. 106), I/25 – 41 (илл. с. 111); ср. Станојевић 1914: 256).

⁷ Во время исторического развития сербского языка в основной части сербских говоров остался только гл. знати (псл. *znàti), в то время как гл. вѣдѣти (псл. *vĕdĕti) исчез из системы, передавая, параэтимологически, некоторые из своих значений созвучным словам, таким как видѣти, со следами в образовании других слов (см., например, Skok III: 574–576, s. v. vĕm; ср. примеры в RJAZU XX: 822–823, s. v. vidjeti). Если бы оба глагола существовали какое-то время и в сербском языке, возможно, с неравным географическим распределением, см. например, у Даничића (Даничић I: 195, 382, s. vv. вѣдѣти, знати). Существительное свѣдокъ, в значении ‘testis’, представляет собой субстантивизированное прилагательное с первоначальным значением ‘consciūs’, образованное суффиксом -окъ от глагола свѣдѣти (Skok III: 574–576), и неоправданным является подозрение, что оно заимствовано из старославянского языка, то есть из его последующих редакций (см. ERNJ II: 415, s. v. svjĕdok), что видно по редкости его аттестаций в литературных памятниках, а также по характеру самих аттестаций (Даничић III: 224–225, s. v. свѣдокъ; Miklosich 1865: 915–916, s. v. свѣдокъ; СДРЯ XII: 257, s. v. свѣдокъ), а также из-за отсутствия данного слова в канонических и основных церковнославянских источниках (см. СС, SJS).

глагол в 18-ом в. был отчетливо маркированным в качестве церковнославянизма. Промульгацией ранее непосредственно обращались ко всем людям, которые могли соприкоснуться с документом или его содержанием, с подразумеваемым использованием общего местоимения *всакъ* – *всакѡмъ*, *всакѡмъ чловѣкъ*, *всакѡмъ малѡмъ* и *великѡмъ* и др. (Станојевић 1914: 232–235 и далее), а здесь публичное рассмотрение, поскольку речь идет о документе с ограниченным числом заинтересованных сторон, сужается до каждого места, на котором указывается необходимость ознакомиться с его содержанием (на ^в *всакѡмѣ* *потребитѡмѣ* *мѣстѣ*, указ. место)⁸.

Сразу в продолжении приводится лаконичная диспозиция в форме изъяснительного придаточного предложения (како + *Verb_{аог}*)⁹, в котором сообщается содержание юридического акта с точки зрения автора – с «субъективной стилизацией» (ср. Станојевић 1920: 140–141): имя продавца (Никола Станимирович), объект продажи (лавка), его пространственное определение, но только микролокация в относительном смысле слова (*пр^ви до^спасѡа*, с. 7), имя покупателя (Момир Велисавлевич) и денежная сумма (24 форинта): *како продадо га никола станимир^ви^виъ двѣдѣнъ пр^ви до^спасѡа момир^в велисавлев^ви^виъ за 24 фо и сл[о]^вомъ велицѣ двадесетъ и четирѣ воринте*, с. 5–10.

Как было принято со средних веков, эта часть документа, как правило, написана народным языком¹⁰. В нашем случае это проявляется в отсутствии церковнославянской лексики. В этом смысле глагол *велицѣ* (с. 9) с морфологическими характеристиками из актуального – народного языкового слоя в 1. л. ед. ч. (в отличие от церковнославянского сербского извода *вѣлю* < ст.-слав. *вѣльж*)¹¹, с сербской семантической мутацией, теперь в значении ‘[я] говорю’ (*verbum dicendi*).

⁸ Опускание упоминания адресата, когда он подразумевается, не было редкостью (Deže 1977: 180).

⁹ Используемый союз *како* соответствует доминированию того же дополнительного союза в канцеляриях с востока сербского языкового пространства в более раннем, средневековом прошлом (см. Павловић 2009: 81).

¹⁰ Причина в избежании сомнений в центральной части акта, составляющего стержень юридического акта (ср. Савић 2017b: 175, 180).

¹¹ В сербском языке глагол *велим* и в принципе не знает инфинитива (см. PCJ: 137, s. v. велим).

В короборации представлено средство достоверности совершенного юридического акта (Станојевић 1923а: 1): сам документ, который новаторски называется «письмом» (с. 3, 10, 14, 20), а также в санкции (раньше был бы назван листь или книга¹²) и крест автора вместо печати. Печать называлась тем же существительным (печать) без различия со времен древнейших сербских документов, что соответствует ее праславянскому происхождению (псл. *pečàtь) и тому факту, что в этом отношении не было терминологической разницы между сербским и церковнославянским. Кроме того, из-за церковнославянского *ка-место* в конструкции *каме̑то печата* (с. 11–12) ясно, что само существительное *печать* фиксировано в более раннем периоде (хотя остается таковым и по сей день в современном сербском литературном языке с народной основой, поэтому в некоторых местах имеет смысл упомянуть и состояние в современном языке). Хотя упоминания о печати здесь даже не ожидалось, так как речь идет о частных лицах из низшего сословия, она принадлежала целой формуле, передававшейся как таковой на протяжении веков. Короборация заканчивается архаичной формулой *в(а)шега веро^ванна ради* (с. 12), хотя конкретного destinatария нет (можно было бы ожидать неопределенное утверждение, поэтому тем более ясно, что здесь по инерции сохранился текст из обычного тогда формуляра; в остальном шаблонность была присуща короборации, а не диспозиции (Станојевић 1923а: 1)). В целом текст короборации является одним из самых стабильных в дипломатическом формуляре (Станојевић 1923а: 1). Сразу в продолжении дается краткая санкция, требующая соблюдения правового положения без угрозы наказания (санкция была сведена к центральной части средневекового формуляра (Станојевић 1922: 2–3)): *по^сле не има нитко досаде чинити преко доєга писма*, с. 13–14.

В этой части текста используется старый термин *досада*, отглагольное существительное от гл. *досадити*, но не в значении ‘насмешка, оскорбление, унижение’, какое, например, фиксируется в Паримейнике (Притч 18:3, см. SJS I: 510, s. v. *досада*), а в старом сербском

¹² О всех, более или менее устоявшихся названиях документов в светских актах – от *писанье*, через *листь*, *повела*, *запись*, до *книга*, см. (Станојевић 1923а: 3–15; ср. Савич 2017а: 293–300).

значении ‘помеха, беспокойство’ (см. Савић 2014: 38, 42)¹³. То же самое выражение *досада чинити* в отрицании, здесь с существительным в славянском родительном падеже, которое синтаксически консервативно, в 18-ом столетии, безусловно, более обычном, чем сегодня, субституцией было введено в 23-ю статью Законника царя Стефана Душана младшей редакции, которая по времени создания близка к нашему документу, в чем и заключается объяснение явления. Там мы читаем: Цр(ь)квѣмь да не чинѣт се досаде ни ѿт[ь] кога вместо старшего: Цр(ь)квѣмь поноса да нѣс(ть) (см. Савић 2014: 32–33)¹⁴.

За санкцией следует перечисление семи свидетелей, что унаследовано из средних веков (Станојевић 1924: 2), являющихся иногда частью короборации (Станојевић 1923а: 1), обозначенных здесь именем и преимущественно матронимом (пр. ц(?)еник(ь), с. 15; зориць, с. 17; маргитиць, с. 18; мариниць, с. 19), а не отчеством (пр. љрић[ь], с. 17; новано^ниць, с. 21), а в двух случаях и родом занятий (пр. алачь и вербе^л[ь], с. 16), хотя в целом, если принять во внимание определения обоих участников в продаже, а также писца, это соотношение одинаково¹⁵.

В эсхатоколе указана личность писца (Ивко Йованович), который присоединяется к свидетелям (с. 19–21), затем следует дата: месяц, день и год с рождения Христа, что является новацией, но только с точки зрения гораздо более древних сербских документов с

¹³ В средние века это значение было обычным (см. Савић 2014: 31, 38, 41; ср. примеры в Даничић I: 293, s. v. *досада*, хотя значение определяется как ‘*vexatio*’); в современном сербском литературном языке это значение обычно активизируется в особом выражении *бити на досади* ‘мешать’ и особенно в связи с глаголом *досађивати (коме)* (см. РСЈ: 309, s. vv. *досада*, sub 2; *досађивати*², 310).

¹⁴ Декомпонированное выражение *досаду чинити* предшествует полнозначному глаголу *досађивати* в современном сербском литературном языке; см. предыдущее примечание.

¹⁵ Из более узких определений вышеупомянутых личностей в некоторой степени видно общественное устройство (с остатками матрилинейного наследования), а также выделение городского, ремесленного населения из родовой общины, присутствовавшее в сербском именовании еще со средних веков, о чем, прежде всего, свидетельствует дарение зависимых людей монастырским поместьям в многочисленных монастырских дарственных.

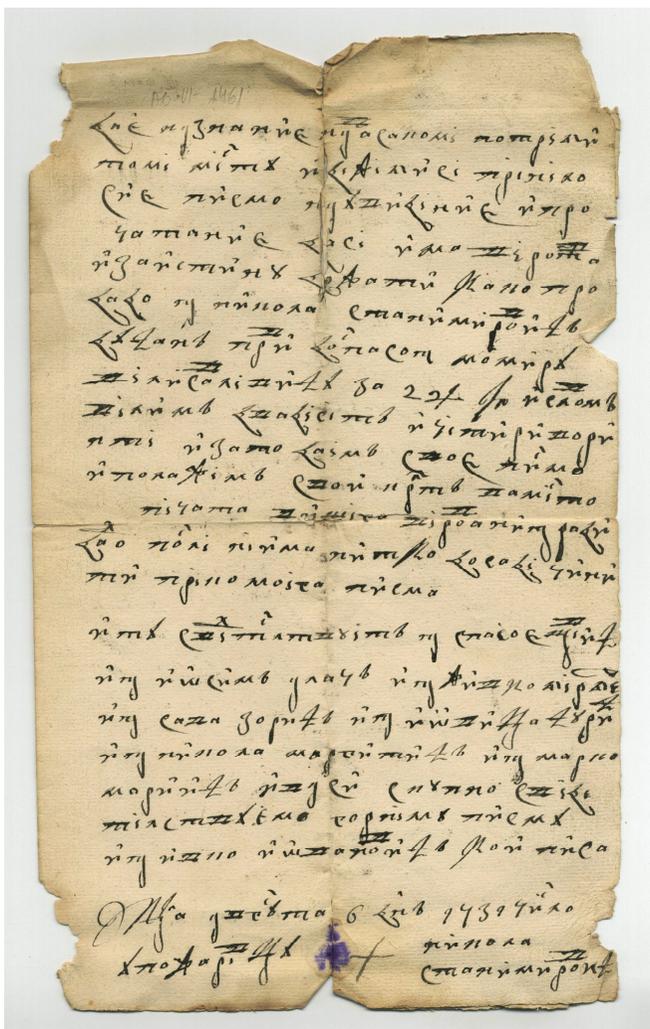
восточных территорий,¹⁶ а внизу документа указано место его написания.

Документ заканчивается заверяющим подписью крестом и подписью, состоящей из имени и отчества автора. Крест, вероятно, был нарисован самим автором, но его имя было записано, как и весь документ, профессиональным писцом, из чего можно сделать вывод, что автор был неграмотным и что в этом смысле истинным составителем документа являлся писец.

Промульгация присутствовала в рашских светских документах 13–14 вв., редко, но точно так же в Зете, в то время как в Дубровнике и Хуме в те времена ее не было (она регистрируется только в конце 14-го в.), а в Боснии появляется позже, с разнообразной стилизацией. Кроме того, промульгация, как правило, только в рашской традиции стояла в самом начале документа (Станојевић 1914: 231–232, 236–240, 252–253, 258, 262). Короборация, не присущая древнейшей рашской практике, начала применяться в государстве как Лазаревичей, так и в государстве Бранковичей (Станојевић 1923а: 13–14), к которым, по сути, в самом отдаленном смысле этого слова можно отнести и данный документ. Свидетели редко указывались в сохранившихся рашских актах, потому что эти документы были в первую очередь правительственными, а свидетели требовались в первую очередь в частных правовых актах (Станојевић 1924: 19). Датировка западного типа, в свою очередь, соответствует документам времен Габсбургской монархии. Таким образом, ничто не мешает сделать вывод, что анализируемый здесь документ, как это естественно, опирается на позднесредневековую рашскую традицию.

---

¹⁶ По традиции в сербских документах из круга *Rex Slavia Orthodoxa* дается датирование от года сотворения мира, а в документах из круга *Rex Slavia Romana* – от года рождения Христа (Станојевић 1928: 29–30).

Илл. 1. Купчая на лавку из города Пожаревац, 1731 г.

4. Палеографический аспект

При написании документа использовалась стабильная скоропись без особого аллографического варьирования и без соединения букв, что было бы характерно для курсива. Существуют <а> «с хвостиком» и «альфа»; отсюда и <а> «с обычным» <а> и <а> «с <а> с хвостиком»; «обычное» <к> и «высокое» <к>, «широкое» <с> и «обычное» <с>, без разницы в употреблении, в то время как «эпсилон» и «широкое» <ε> имеют разные значения (речь идет о соотношении, унаследованом от старых <ε> : <κ>). Хотя в предыдущие несколько столетий постепенно происходило более заметное пересечение с русской скорописной традицией, с резким переходом к русской скорописи во второй четверти 18-го в., на индивидуальном плане эти влияния здесь не особо заметны, в то время как в общей реализации движения это влияние замечается (например, способ написания <и>, <н>, <п>, <т>). Можно сказать, что документ написан в консервативном стиле и что в его основе лежит древняя рашская канцелярская скоропись, о чем свидетельствует облик букв, которые были дифференцированы в сербском государстве еще в 13-ом в. и позже: буква <а> с удлинненной мачтой (хотя она получает изгиб, почти как петлю, обычную в <ц> и <щ>), четырехугольное <в> (так называемое «квадратное»), <к> с раздельными мачтами, трехное <т>, очень характерное лежачее треугольное <д> (как острый угол с вписанным полукругом) (ср. Štremošnik 1963: 120–126); с более позднего периода лежачее <в> (здесь со скошенной мачтой и с волнистой формой от верха до низа ряда на противоположную сторону вместо перекладины). За исключением последнего, мы видим все эти формы в первичном варианте в Верхлабской хартии короля Милутина Дубровнику 1302 года, на которую обратил внимание Грегор Черемошник (для иллюстрации см. Ђорђевић 1971: 335, рис. 132; Štremošnik 1963: 126–128, рис. 7). В отличие от сербского придворного письма 14-го в., которое также было перенесено в Боснию в связи с коронацией боснийского бана Твртко сербским королем (1377 г.), письмо нашего документа не имеет специфических расширений мачт, образованных подражанием латинской приморской канцелярии, поэтому по типу оно и не представляет собой так называемый дипломатический минускул (ср. Štremošnik 1963: 127).

Это спонтанно сформированная скоропись, с извилистыми формами с завитками, которые кульминировали в начале 18-го в. (см. Мошин 1946: 110–113), значит с последней стадии его развития. Рукопись Ивко Йовановича, как звали писца, также отличается некоторыми особенностями, например, буква <ф> без круга, разрезанного мачтой, с двумя изогнутыми штрихами на наклоненной мачте, буква <ж> написанная в форме складки, похожей на пятиконечную звезду. Довольно похожую, эту букву и весь дукт писца, но разные <ц>, а также <щ> с хвостом, посаженным немного за серединой нижней засечки (а не в конце, как продолжение третьей ножки, в духе русской традиции), мы видим также у немного более раннего писца, который был близок к школе, из которой происходил учитель Ивко Йовановича. Это анонимный писец содержания Рукописи Борджошских, находящихся сегодня в Библиотеке Матицы сербской (PP III 2); рукопись датирована анализом водных знаков примерно 1703/1710 годами¹⁷.

---

¹⁷ В рукописи находится Сербская летопись до 1638 г., Законник царя Константина Юстиниана и Законник царя Стефана Душана. Главным писцом признан даскал Максим из Рачанской школы. Обо всем см. (Васильев 2015: 195–197).

а		а		ц	
б		ц		ч	
в		н		ш	
г		о		х	
д		п		ы	-
е		р		ѣ	-
ж		с		ѣ	
з	-	т		ю	-
и		ѣ => ѣ ѣ		ѣ => ѣ	
ї	-	ф		ѣ	-
н		х	-	ѣ	-
к		ѣ		ѣ	-
к		ѣ (?)		ѣ	-

Илл. 2. Алфавитная табличка с буквами из документа, написанного в городе Пожаревац в 1731 году

5. Графическо-орфографический аспект

Графический инвентарь данного документа несколько упрощен: отсутствуют <ѣ> (пр. керо^ѣ[а]ти, с. 4) и <ы> (пр. пр^ѣи, с. 7); вместо <оу> последовательно используется <8> (во всех позициях; пр. звидѣние, с. 3, двѣань, с. 7, момир8, с. 7); вместо «десятичного и» пишется только «восьмеричное и» (знание, с. 1, новница, с. 17, маринь, с. 19), лигатурное <к> заменено на «широкое» <ε> (пр. спасε, с. 15; в виде исключения «эпсилон», <ε>, пр. даεць, с. 10); последовательно введено «джерв» в новом значении, /h/, с сохранением старого значения, /h/ (пр. ѡри^h[ь], с. 17). Нет знаков препинания. По сути, это так называемое сербизированное послересавское правописание, которое возникло в результате постепенного слияния нескольких различных традиций. К упомянутым чертам следует добавить еще: последовательное написание лигатуры <та> (пр. та никола..., с. 6, до ^тпаса, с. 7), написание вокального *p* без <ь> (пр. држати, с. 5), написание <ь> только в абсолютном конце слова (пр. двадесеть, с. 9), непалатальное написание групп *le* и *ne* (пр. велис^лквиѣ8, с. 8, горнеѣ8, с. 20)¹⁸. В системе нашего писца, безусловно, инновирована система счисления – они пишутся арабскими цифрами, с которыми связана обновленная датировка, а также обозначение актуальных денежных единиц – форинтов.

6. Языковой аспект

Синтаксис по своей сути простой, сербский народный, что означает, что сербский язык дал грамматическую основу для создания этого текста. Поэтому здесь нет конструкций, типичных для церковнославянского языкового типа: например, *как* + инфинитив в результативном значении, дательный самостоятельный, инфинитив или причастие, субстантивированное причастием *кже*, которое интерпретируется как членная морфема и т. д. Таким образом, здесь нет «номинального стиля», скорее, присутствует «вербальный стиль» с

¹⁸ В литературе отмечалось, что на момент появления «ресавского правописания» в сербской государственной канцелярии (в отличие от церковной) оставалась в силе старая рашская орфографическая норма (Јовановић-Стипчевић 1991: 270). Это открыло возможность более позднего скрещивания двух традиций и, наконец, упрощения, в общем впечатлении преимущественно в пользу консервативной линии.

личными формами глаголов и прозрачными предложениями. Выражение маркировано спорадическим присутствием церковнославянских форм, в первую очередь отглагольных существительных с окончанием *-ije* (< псл. *-*ije*): знание (с. 1), видение (с. 3), прочтание (с. 3–4), верование (с. 12), которые «легко ощущались как ненародные» (ср. Тор҃ић 1926: 102)¹⁹, а также вышеупомянутого глагола *свѣдѣтельствовати*

¹⁹ Хотя все четыре существительных являются производными от переходных глаголов и от соответствующих причастий претерита пассива, не все они производят впечатление, что имеют непосредственное церковнославянское происхождение, даже не обязательно для маркирования в народном языке, поскольку в некоторых речевых зонах развилось самостоятельное образование с помощью того же средства, с помощью которого усиливается значение обычного, т. е. нейтрального суффикса (первые подтверждения заимствования и другие явления дал Сербский словарь Вука 1818 г.; см. Бјелетић 2019, с более ранней литературой). В старославянских памятниках было известно только существительное *знаниѣ*, но в другом значении (*γνωστός*, а не *γνώρισμα*; см. СС: 238, 466, s. vv. *знаниѣ*, *познаниѣ*), что интересно, тогда как существительное *вѣрованнѣ* ‘достоверность’, с различиями в значении, засвидетельствовано в более поздний период, (SJS I: 378; Даничић I: 197, s. v. *вѣрованнѣ*; СДРЯ II: 300–301, s. v. *вѣрованнѣ*). Существительное *видѣннѣ*, в значении ‘*ἐπίγνωσις*’, на самом деле относится к древнейшей эпохе (см. СС: s. v. *оувѣдѣннѣ*), но его характер является последствием смешения мотивирующего глагола с глаголом *видѣти* на сербской территории еще в средние века (ср. сноску 7; для примеров см. сноску 6; ср. в современном сербском языке глагол *увид(ј)ети*). Хотя от глагола *чисти* можно было бы ожидать, с дальнейшим словообразованием, через глагол *прочисти* – *прочѣтениѣ*, ‘*ἀνάγνωσις*’ на последней, сербизированной стадии церковнославянского языка сербского извода, основа настоящего времени ((*pro*)*čit-*) наложила на инфинитивную основу ((*pro*)*čit-*) и, таким образом, на всю парадигму, и вследствие этого развились дублетные *чѣтити* и *чѣтати*, с вокализациями *чѣтити* и *чѣтати* (ср. Skok I: 330, s. v. *čitati*), о чем косвенно свидетельствует и словарь Вука, с подтверждением соответствующего существительного, заимствованного из церковного языка в народный говор: «Сву ноћ је било чатаније у цркви» (Вук 1818: 896, s. vv. *Чатаније*, *Чатати*, *Чатити*; для гибридного *чатанѣ* у Гаврила Стефановича Венцловича 1736 г., ср. Манојловић 2023: 651, s. v. *чатанѣ*). Следовательно, к церковнославянскому выражению соответствующего времени принадлежала и форма *прочатаниѣ*.

и неизбежных церковнославянских вокализаций сербского извода в корне местоимения *vьś- (асакоме, с. 1, касн, с. 19), в группе согласных -*чт*- в корне слова (прочатанне, с. 3–4; для чътєниє ср. Ђорђевић 1971: 209), в предлоге *въ* (в слиянии *камѣто*, с. 11). Также существительное *чѣло*, которое было заменено на сербской территории производным *брѣј* (< псл. *brīti, см. Skok I: 209, s. v. brījati) можно понимать как лексический церковнославянизм²⁰, в то время как для наречия *идѣже* (с. 2) это подразумевается. Последовательно экавский рефлекс «*ятя*» в примерах *потребито* (с. 1–2), *мѣтѣ* (с. 2), *идѣже*²¹ (с. 2), *вкденне* (с. 3), *кѣро[а]ти* (с. 4), *камѣто* (с. 11), *кѣро[а]нна* (с. 12), *свѣдѣтельствѣю* (с. 19–20) – это точка пересечения церковнославянского языка сербского извода с диалектным произношением в северо-восточной центральной Сербии. По сути, перед нами особый гибридный тип с народным синтаксисом и почти полностью народной морфологией, пронизанный церковнославянскими маркерами, от фонетических, включая словообразовательные, и вплоть до лексических, к чему следует добавить один морфологический маркер. Глагол *свѣдѣтельстввати* имеет церковнославянское окончание *-т* в 3. л., и, поскольку конгигуирует в единственном числе вместо множественного (*св[ѣ]дѣт[ѣ]ствѣтъ*, с. 15) перед многочисленным субъектом – при перечислении семи свидетелей, можно сделать вывод, что это остаток заранее заданного формуляра, использованного при составлении текста. И здесь, как уже было принято в старой сербской

²⁰ В переводе-переработке Меча духовного Гаврила Стефановича Венцловича 1736 г. – современника анализируемого здесь документа, каждый раз, когда употреблялось существительное число (2×), оно опиралось на церковнославянский оригинал Лазаря Барановича, в то время как в большинстве случаев (5×) независимо употреблялось существительное *број* (Манојловић 2023: 211, 654, s. vv. *број, число*).

²¹ Хотя относительное наречие *идѣже* в старом сербском литературном материале имеет две формы: *идѣже* и *идѣже* (см. Даничић I: 392, s. v. *идѣже*, SJS I: 705–706, s. v. *идѣже*), есть основания считать, что и в нем до начала замены «*ятя*» на сербской территории по аналогии был введен «*ять*», который можно было последовательно связать со всеми производными с дейктической частицей **-de* > *-dē* (например, *гд(ј)е* < *къдѣ*, *овд(ј)е* < *овъдѣ* и др.), под влиянием местного падежа единственного числа из парадигмы существительного (о таком развитии см. Skok I: 115, s. v. *kǝ¹*).

делово-юридической письменности, церковнославянизмы использовались как основное средство экспрессивизации выражения (ср. Савич 2021: 294). Хотя в документе преобладает народная языковая стихия, наличие церковнославянизмов в определенных частях текста – промудрости в качестве публичного раскрытия (5×) и в частях, определяющих достоверность акта – короборации (1×) и перечислении свидетелей (3×), свидетельствует о фактическом сохранении дипломатического формуляра из более глубокого прошлого. В то же время хорошо построенное языковое выражение и солидное владение церковнославянизмами и их правильное включение в народный язык (только с одним морфологическим отклонением), свидетельствуют о языковой одаренности писца и о том, что его основное образование, хотя он работал в гражданской канцелярии, могло быть церковным.

В тексте недостаточно материала для точного определения диалекта народного языка. Особенно это касается грамматики, в то время как в плане мелких фонетических изменений – а зарегистрированы потеря *x* (да^Ао, с. 13, алачь, с. 16), замена *ф* : *в* (24 фо, с. 8, воринте, с. 9–10), подвижный вокал *-е* (асакоме, с. 1, потребитоме, с. 1–2), сохранение группы *-тк-* в середине слова (нитко, с. 14), упрощение иностранной группы *-кс-* > *-с-* (ношидь, с. 16) – мы не находим подтверждений ожидаемого косовско-ресавского диалекта (на территории которого находится город Пожаревац), или соседнего ему смедеревско-вршацкого (под)типа. Единственное, о чем стоит упомянуть, – это последовательный экавизм, который мог преобладать в восточной части габсбургского «Королевства Сербия» (1718–1739), и даже на более широкой территории, принесенный в ходе длительных миграционных процессов из бывших рашских областей в узком смысле этого слова²².

Учитывая языковую природу рассматриваемого текста, неудивительно, что местами встречаются заимствованные слова – актуальные во время создания документа: *дѣкѣн* в значении ‘торговая лавка’ (тур. *diikkân*), *алачь* ‘ремесленник, занимающийся обработкой хлопка’

---

²² На крайнем западе бывшего габсбургского «Королевства Сербия» в современной Сербии сохранилась зона с незамененным «ятем», которая в 18-ом в. могла быть и шире.

(тур. *hallaç*), берберь ‘парикмахер’ (тур. *berber*)²³ и коринта ‘форинт’ (мадж. *forint*), некоторые из них с зарегистрированными чередованиями, присущими народному языку того времени.

7. Заключение

Представленный документ, хотя был создан уже в 1731 г., помимо того, что иллюстрирует состояние сербской письменности, основанной на собственной традиции, доведенной до самого конца, прежде чем ее сменила русская, то есть церковнославянская письменность русского извода, демонстрирует упорство, с которым средневековое наследие сохранялось в новом облике. Удивительно, что после угасания сербских государств и основных административных условий для сохранения канцелярской письменности, консервативная канцелярская письменность продолжала жить столетиями, очевидно, без особой зависимости от работы церковных канцелярий. В этом документе мы видим позднее развитие рашской канцелярской скорописи и соответствующей графическо-орфографической системы, а затем специфическое сосуществование народного языка и церковнославянских форм (известных в том же виде с конца 12-го в.), но и реальную ситуацию в обоих идиомах, а также сохранение старой дипломатической формы.

ИЗДАНИЕ ТЕКСТА

да є на знанне на асакоме потреби²томе мѣтв идеже би се пренело³ сие писмо на
звиденне и про⁴чатанне да се има веро⁵[а]ти⁵ и за истинн джати како про⁶дадо та никола
станимиро⁶нѣ⁷ двѣан пр⁶и до ⁷пасама момиря⁸ велиса⁶левнѣх за 24 фо и сл[о]⁶омь⁹
велндь двадесет и четирн ворн¹⁰нте и зато даемь свое пи⁷мо¹¹ и полажемь свон кр⁷ть
вамѣ⁷то¹² печата в[а]шега веро⁶анниа ради¹³ да⁴о по⁷ле не има нитко досаде чинн¹⁴ти преко
моєга писма¹⁵ и тв св[е]¹⁴т[е]¹⁴твеветь та спасоє ц(?)⁶енѣ(ь) (щ(?)⁶енѣ(ь) (?)¹⁶ и та носимь
лаать и та живко бербе⁶[ь]¹⁷ и та сава зорнѣ и та новница к⁶рн⁶[ь]¹⁸ и та никола маргитнѣ
и та марко¹⁹ марннѣ и васн скъпно свед²⁰телствезмо горнема писма²¹ и та нво
ноовано⁶нѣ²² кон писа²² М[е]¹⁴т[е]¹⁴ца авг⁷та 6 д(а)нѣ 1731 чн⁷ло²³ в пожар⁶цв + никола²⁴
станимиро⁶нѣ(ь)

Обратная сторона документа: тапни · двѣан⁷ка ·

²³ О турцизмах см. Škaljić 1966: 138, 225–226, 303, s. vv. *bèrber*, *bèrberin*; *đučān*; *hàlāč*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бјелетић 2019 – *Бјелетић М.* Од светог Ћирила преко светог Саве до Вука (именице средњег рода на *-ије* у Вуковом речнику и у Вуковој постојбини) // *Наслеђе и стварање. Свети Ћирило. Свети Сава (869–1219–2019)*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2019. Т. II. С. 899–917.
- Васиљев 2015 – *Васиљев Љ.* Опис рукописа Борђошких // *Законик цара Стефана Душана*. Београд: Српска академија наука и уметности, 2015. Књ. IV/1. С. 195–198.
- Веселиновић 2000 – *Веселиновић Р.* Србија под аустријском влашћу 1718–1739 // *Историја српског народа*. Београд: Српска књижевна задруга, 2000³. Књ. IV/1. С. 106–162.
- Вук 1818 – *Стефановић В.* Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма. Беч, 1818.
- Грицкат 1959–1960 – *Грицкат И.* Библиографија радова професора Александра Белића // *Јужнословенски филолог*. Београд, 1959–1960. Књ. XXIV. С. 49–84.
- Даничић I–III – *Даничић Ђ.* Рјечник из књижевних старина српских / Приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: «Вук Караџић», 1975³ [1863–1864]. Т. I–III.
- Ђорђић 1936 – *Ђорђић П.* Именице типа бденије // *Наш језик*. Београд, 1936. IV/4. С. 100–107.
- Ђорђић 1971 – *Ђорђић П.* Историја српске ћирилице. Палеографско-филолошки прилози. Београд: Завод за издавање уџбеника СР Србије, 1971.
- Јовановић-Стипчевић 1991 – *Јовановић-Стипчевић Б.* О сређивању српско-словенског правописа у првим деценијама XIV века // *Архиепископ Данило II и његово доба*. Београд: Српска академија наука и уметности, 1991. С. 265–280.
- Манојловић 2023 – *Манојловић С. Ђ.* Из лексике Гаврила Стефановића Венцловића. Недељна слова од Ускрса до Педесетнице у Мачу духовном. Докторска дисертација. Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2023.
- Михајловић I–II – *Михајловић В.* Грађа за речник страних речи у предвуковском периоду. Нови Сад: Институт за лингвистику у Новом Саду, 1972–1974. Т. I–II.
- Младеновић 2007 – *Младеновић А.* Повеље и писма деспота Стефана. Текст. Коментари. Снимци. Београд: Чигоја штампа, 2007.
- Мошин 1946 – *Мошин В.* Уговор св. Саве са светогорским протатом о земљи за виноград. Са прилогом за историју српског брзописа // *Гласник Државног музеја*. Сарајево, 1946. С. 81–122 + таб. I–III.

- Павловић 2009: *Павловић С.* Старосрпска зависна реченица од XII до XV века. Сремски Карловици; Нови Сад: Издавачка књижевна Зорана Стојановића, 2009.
- РСЈ – Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007.
- Савић 2014 – *Савић В.* „Понос“ [и „досада“] у Душанову закону. Трагом неких изгубљених значења // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2014. Књ. LVII/1. С. 31–47.
- Савић 2017а – *Савић В.* Српски називи документа у средњем веку – према самим документима (1189–1346) // Словенска терминологија данас. Београд: Српска академија наука и уметности; Институт за српски језик САНУ, 2017. С. 291–303.
- Савић 2017б – *Савић В.* Манастирске даровнице у српскословенском лексичком корпусу // *Filologija*. Zagreb, 2017 (2018). Књ. 68. С. 171–191.
- Савић 2019 – *Савић В.* (Псеудо)класични и стари називи српских земаља у старим српским изворима // Српско језичко и књижевно наслеђе на простору данашње Црне Горе. Српски језик и књижевност данас. Подгорица, Нови Сад, Бања Лука: Матица српска, 2019. С. 95–125.
- Савич 2021 – *Савич В.* Церковнословенски елементи в «Законнике царя Душана» (1349, 1353/1354) // *Славянское и балканское языкознание*. Вып. 21: Палеославистика: лексикология и текстология. К 100-летию Р. М. Цейтлин / отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимеда, 2021. С. 281–314.
- СДРЯ I–XII – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Москва, 1988–2019. Т. I–XII.
- Синдик 1988 – *Синдик Н. Р.* Библиотека // *В. Ј. Ђурић*. Благо манастира Студенице. Београд: Српска академија наука и уметности, 1988. С. 171–184.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.
- Станојевић 1914 – *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици. VI. Промулгација (нотификација) // Глас СКА. Београд, 1914. Књ. XCIV. С. 230–262.
- Станојевић 1920 – *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици. IX. Диспозиција // Глас СКА. Београд, 1920. Књ. XCVI. С. 140–152.
- Станојевић 1922 – *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици. X. Санкција // Глас СКА. Београд, 1922. Књ. С. С. 1–48.
- Станојевић 1923а – *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици. XI. Короборација // Глас СКА. Београд, 1923. Књ. CVI. С. 1–16.
- Станојевић 1923б – *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици. XIII. Потпис // Глас СКА. Београд, 1923. Књ. CVI. С. 22–49.

- Станојевић 1924 – *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици. XV. Сведоци // Глас СКА. Београд, 1924. Књ. СХ. С. 1–25.
- Станојевић 1928 – *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици. XVII. Датирање // Глас СКА. Београд, 1923. Књ. СХХХИИ. С. 29–57.
- Шаkota 2019 – *Шаkota М.* Студеничка ризница. Манастир Студеница, 2019.
- Љremošnik 1963 – *Љremošnik G.* Srpska diplomatska minuskula // Slovo. Zagreb, 1963. Sv. 13. С. 119–136.
- Deže 1977 – *Deže L.* Tekstološka analiza starosrpskohrvatskih povelja // Јужно-словенски филолог. Београд, 1977. Књ. ХХХИИИ. С. 179–202.
- ERHJ I–II – *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika.* Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016–2021. Sv. 1–2.
- Miklosich 1865 – *Miklosich Fr.* Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. Aalen: Scientia Verlag, 1963² [Vindobonae, 1862–1865].
- RJAZU – *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1976. I–XXIII.
- SJS I–IV: *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha: Nakladatelství ČAV, 1958–1997. T. I–IV.
- Skok I–IV – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Priredio za tisak Valentin Putanec. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974. Knj. I–IV.
- Škaljić 1966 – *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo: Svjetlost, 1966.

Viktor Savić

University of Belgrade – Faculty of Philology, Serbia
Institute for the Serbian Language of SASA, Belgrade, Serbia

A Document about a Sale in Požarevac (1731)

A unique document about the sale of a shop in Požarevac on 6 August 1731 was found in the belongings of Aleksandar Belić. The document is important and interesting in many ways. First of all, after the collapse of Serbian medieval states (15th century), the local chancery practice in the central Serbian areas almost died out. It had an extended life in the international correspondence between the

Ottoman Empire and Christian countries and provinces (14th–15th centuries), especially before the conquest of Hungary. Bearing in mind the destruction of state, church and private archives, any document from the territory of Serbia written in the Serbian or Slavonic language and dating from the period between the 15th and 18th centuries is a great rarity. The discussed document was created in Požarevac under the short-lived “Kingdom of Serbia” as part of the Habsburg Monarchy (1718–1739). It was written in the script that can be described as the last stage of what had formerly been Rascian chancery running-hand script (*skoropis'*), in the vernacular Serbian language with formulaic elements of the Serbian Slavonic, while revealing a significant presence of Turkish loanwords. The paper traces the development of the Serbian scribal tradition defined in the 13th–14th centuries in the new epoch, which was “an extension of the Middle Ages”, bearing in mind the circumstances in Serbian lands under Ottoman rule. In reality, this is the last offspring of Serbian medieval scribal traditions preceding the penetration of Russian Slavonic and Russian literacy (1726–1733).

Key-words: history of the Serbian language, Cyrillic running-hand script (*skoropis'*), property deed, Požarevac